

Согласившись на совместную жизнь с Чэнь Шаном, Цинь Шу полагал, что ему потребуется немало времени на адаптацию. Однако действительность превзошла все ожидания: он влился в этот новый ритм куда быстрее, чем мог себе представить.

Ночами они сплетались в объятиях, деля на двоих тепло и нежность, а по утрам просыпались, все еще не размыкая рук.

После того как они устроили небольшой праздничный ужин для близких, Цинь Шу внутренне признал: их союз скреплен окончательно. Теперь у них была семья. Один дом на двоих, взаимная опора и общие мечты.

Семья означала стабильность, что полностью соответствовало его жизненному кредо: сперва обрести очаг, а затем строить карьеру.

Чувствуя ответственность за другого человека, Цинь Шу погрузился в учебу с еще большим рвением. Гордость не позволяла ему допустить, чтобы кто-то смотрел на Чэнь Шана свысока из-за него, и уж тем более он не мог смириться с ролью «содержанца» в чужих глазах.

Изначально он был рекомендован в магистратуру без экзаменов, но благодаря ряду весомых научных статей и настойчивости Хэ Миньфана его перевели сразу в докторантуру. Теперь ему не нужно было посещать общие магистерские курсы, и свободного времени стало значительно больше — по крайней мере, со стороны он казался куда менее занятым, чем Чэнь Шан.

Это проявлялось в том, что он стал чаще заглядывать в офис «Хуэйфэн», чтобы забрать Чэнь Шана после работы.

Пань Сяосяо каждый раз, видя «Тираннозавра» в сопровождении его «Рыцаря», едва сдерживала восторженный визг. Искусство и впрямь черпало вдохновение в жизни! Пока другие фанатели по рисованным персонажам, она воочию наблюдала за расцветом идеальной любви двух невероятно красивых мужчин. От этого зрелища даже работа в офисе спорилась быстрее.

Инициатива Цинь Шу стала для Чэнь Шана приятным сюрпризом. Согреваясь его заботой, он в то же время поражался таланту своего партнера. В эпоху безудержного потребления не каждый способен искренне посвятить себя науке, и уж тем более не каждый добивается в ней таких высот.

Цинь Шу, яркий и одаренный, принадлежал ему, и Чэнь Шан не скрывал своей гордости.

Как раз подошло время верстки годового бюджета, и Чэнь Шан без обиняков предложил старшему брату:

— А не выделить ли нам часть средств, что ежегодно уходят химикам, на другие факультеты?

Чэнь Чи закрыл папку с документами и сухо бросил:

— Говори прямо, я занят.

Чэнь Шан оперся руками о стол и уставился на брата умоляющим взглядом:

— Брат, ты ведь понимаешь, о чем я, верно?

Сейчас его глаза в точности повторяли взгляд маленького Чэнь Ли — такие же влажные и полные надежды, когда ребенку очень чего-то хочется. Чэнь Чи терпеть не мог этот взгляд: казалось, стоит отказать, и ты совершишь самое тяжкое преступление в мире.

Естественно, такая крупная корпорация стремилась поддерживать связи с вузами, особенно с местными, но окупаемость инвестиций в гуманитарные науки и естествознание была несопоставима.

Впрочем, у Чэнь Чи не было выбора — раз уж младший брат пришел просить, как тут откажешь? Он решил считать это вложением в престиж Цинь Шу, хотя тот, казалось, в этом вовсе не нуждался.

В итоге в бюджете «Хуэйфэн» появилась отдельная строка: пожертвование филологическому факультету Университета А на фундаментальные научные исследования.

Цинь Шу оправдывал все ожидания. Он был рожден для академической среды: бесконечные библиотеки, написание статей, участие в научных конференциях и симпозиумах. После недолгой суеты в начале пути он быстро освоился и почувствовал себя в своей тарелке.

Хэ Миньфан не мог нарадоваться на младшего ученика. В науке главное — уметь переносить одиночество, а Цинь Шу к тому же обладал невероятным чутьем: он схватывал всё на лету и видел глубинные связи там, где другие пасовали. Из-за его успехов старый профессор стал требовать куда больше и от двух других своих подопечных.

Стремительный взлет Цинь Шу в докторантуру сильнее всего ударил по Ли Суйин. В последнее время она смотрела на младшего соученика с нескрываемой обидой. Цзянь Синцзя уже готовился к выпуску, у него была работа и определенность, так что он не волновался. Но Ли Суйин... Каждый день видя перед собой пример Цинь Шу, она, всегда предпочитавшая плыть по течению, внезапно ощутила колоссальное давление.

— Когда я выбирала этот путь, — вздыхала она, — то думала: денег в семье хватает, буду жить как вольный идеалист-интеллектуал. И никак не ожидала, что в один прекрасный день потеряю душевный покой из-за собственного азарта!

Цинь Шу знал, что докторская диссертация сестры забуксовала, поэтому молча слушал её причитания, продолжая набрасывать тезисы для своего выступления — сегодня вечером ему предстоял важный доклад.

Хэ Миньфан был величиной в научном мире, приглашений на конференции ему приходило великое множество, и часть из них он передавал ученикам, чтобы те могли «показать лицо».

Цинь Шу не любил светских раутов, но академические дискуссии — совсем другое дело. Он высоко ценил возможность обменяться идеями с выдающимися умами и дорожил каждым таким шансом.

В этот раз Университет А пригласил профессора Жуаня из Университета J — признанного авторитета в области религиоведения. Жуань и Хэ Миньфан были старинными друзьями. Наслышавшись о невероятно одаренном новом ученике Хэ, Жуань сгорал от любопытства и именно поэтому принял приглашение.

С собой он привез своего лучшего студента, явно намереваясь устроить негласное состязание. Цинь Шу понимал подоплеку встречи, а потому готовился особенно тщательно — он не мог уронить честь учителя и родного университета.

В шесть вечера актовый зал был забит до отказа, люди стояли даже в проходах.

Чэнь Шан пробрался сквозь толпу вслед за Ли Суйин, которая провела его к бронированному месту.

— Половина присутствующих пришла сегодня только ради Цинь Шу, — поддразнила она его. — Очередь из его поклонников и поклонниц растянулась до самых ворот университета.

Уголки губ Чэнь Шана невольно поползли вверх. Чем успешнее был Цинь Шу, тем большее самодовольство он ощущал. Пусть поклонников хоть миллион — Цинь Шу принадлежит только ему.

Конференция началась, и первым на трибуну вышел Цинь Шу. Он говорил без бумажки, излагая сложнейший материал просто и доступно. Казалось, за его плечами стоит сама история, а слова несут в себе мудрость веков. Даже Чэнь Шан, будучи профаном в этой области, слушал его, затаив дыхание.

Руководство университета не ожидало такого блестящего выступления. Было ясно без всяких предсказаний: перед ними новая звезда научного горизонта. Цинь Шу было всего двадцать два,

и он был плоть от плоти Университета А — их собственным воспитанником, их гордостью. Улыбки не сходили с лиц деканата.

Хэ Миньфан бросил на профессора Жуаня торжествующий взгляд. Тот лишь беспомощно улынулся: ученик старика Хэ был и впрямь хорош, неудивительно, что тот хвастался им на каждом углу.

Впрочем, его собственный студент тоже не подкачал.

Вторым выступал Су Гай, ученик Жуаня. Раз уж профессор привез его с собой, парень явно стоил того, чтобы его слушали.

После молодых ученых слово взяли мэтры. В Китае религиоведение и литература никогда не были разделены пропастью. Лекция была рассчитана на широкую аудиторию, в ней не было заумных терминов, и слушатели получили истинное наслаждение.

Завершился вечер сессией вопросов и ответов. Профессор Жуань, будучи знатоком «Книги Перемен», на глазах у всех составил гексаграмму для двух счастливиц, чем вызвал бурю восторга в зале.

Они вышли из университета около девяти вечера. Администрация выделила машину, чтобы отвезти профессора Жуаня и его спутников в отель. Спускаясь по лестнице, Жуань заметил рядом с Цинь Шу статного молодого человека. Вглядевшись в лицо юноши, он на мгновение замер.

— Что такое? — Хэ Миньфан удивленно посмотрел на остановившегося друга.

Профессор Жуань со вздохом покачал головой:

— Ничего... Просто твой младший ученик и тот парень рядом с ним — удивительно гармоничная пара.

Хэ Миньфан усмехнулся:

— Глаз у тебя всё такой же острый, ничего не скроешь.

— Ха-ха, союз, благословенный небесами! Редкое сочетание, один случай на миллион.

Вспомнив о чем-то, Хэ Миньфан проворчал:

— Я и не думал, что Цинь Шу ради этого своего ненаглядного будет то и дело опаздывать,

уходить пораньше или вовсе прогуливать.

Жуань заподозрил друга в хвастовстве, и не ошибся — старик Хэ продолжил:

— Если бы у парня не было таких мозгов, если бы он не схватывал всё на лету и не работал с такой скоростью, я бы ему за такое пренебрежение учебой задал трепку.

Профессор Жуань совершенно неподобающим образом закатил глаза. Ну точно, старик просто хвалится!

Цинь Шу, услышав, что учитель произнес его имя, обернулся, но увидел, что тот увлечен беседой с Жуанем и звать его не собирается. Взгляд Цинь Шу на миг задержался на лице профессора из Университета J. Ему показалось, что в чертах этого человека есть нечто необъяснимо знакомое, но, перебрав все воспоминания, он так ничего и не нашел.

Чэнь Шан, не дождавшись ответа на свой вопрос, поинтересовался:

— На что ты так смотришь?

— Показалось, что лицо профессора Жуаня мне знакомо, — Цинь Шу отвел взгляд. — Ничего важного, продолжай.

Пока они шли к выходу, Чэнь Шан в полной мере осознал, насколько популярен его партнер — люди подходили поздороваться каждые несколько шагов.

В любви Чэнь Шан всегда был жутким собственником. Видя, как Цинь Шу вежливо отвечает на приветствия, он почувствовал укол ревности. Зная, что Цинь Шу не в чем упрекнуть, он просто насупился и замолчал, терзаясь обидой.

Наверное, рядом с любимым человеком мы все становимся немного детьми. Цинь Шу видел Чэнь Шана в рабочей обстановке, и контраст был разительным. Ему даже не нужно было смотреть на него, чтобы представить выражение его лица. Раз «супруг» расстроился, долг Цинь Шу — утешить его. Гнев вреден для здоровья, а он хотел бы прожить с этим человеком сто лет в гармонии.

Ладонь Чэнь Шана внезапно ощутила знакомое прикосновение — прохладное, словно гладкий нефрит. Цинь Шу сначала зацепил его мизинец своим, а затем крепко переплел их пальцы. Обида Чэнь Шана мгновенно испарилась, оставив лишь сладостное послевкусие.

Цинь Шу тихонько рассмеялся и шепнул ему на ухо:

— Ну что, теперь доволен?

Чэнь Шан крепче сжал его руку и с напускным безразличием бросил:

— Сойдет!

Их тихий смех растаял в ночном воздухе, растворившись в осенней прохладе.

Той же ночью Чэнь Шан выложил пост в WeChat: на видео Цинь Шу в безупречном костюме увлеченно выступает за трибуной, как вдруг ловит взгляд камеры, и в его глазах вспыхивает тепло. Фоновая музыка подобрана идеально: «Твои глаза — как звезды, сияют так ярко, один взгляд — и я в ловушке...»

Ролик длился всего пятнадцать секунд, но перемена во взгляде Цинь Шу при виде партнера была очевидна. Настоящая порция чистого сахара! Друзья и родственники тут же выступили «группой поддержки», засыпая пост лайками и поздравлениями.

А позже, в густом полумраке спальни, под звуки прерывистого дыхания и тихих стонов, Цинь Шу тонул в мерцании глаз своего возлюбленного.

Неделю спустя Цинь Шу позвонили из учебной части: Университет J официально пригласил его для участия в научном обмене и доклада.

В этом и заключался еще один плюс докторантуры: не только стипендия выше, но и возможностей заработать больше. Особенно когда твой наставник — Хэ Миньфан. Спокойно зарыться в книги не получится, потому что учитель без зазрения совести перекладывал на ученика всю ту работу, которую ему самому было лень выполнять.

Эта поездка принесла в бюджет еще тысячу юаней «на карманные расходы», но Чэнь Шана больше порадовало другое: Цинь Шу привез ему подарок.

Это были парные подвески «Мир и спокойствие», выполненные как брелоки для телефонов. Одинаковые, по одной для каждого.

Цинь Шу сам прикрепил брелок к телефону Чэнь Шана и строго наказал:

— Они освящены, не снимай.

— Это тот профессор Жуань их освятил? — хмыкнул Чэнь Шан.

Цинь Шу бросил на него короткий взгляд и усмехнулся:

— Профессор Жуань не монах и не даос, как он может что-то освящать? Я специально заезжал в храм Минсинь.

Чэнь Шан повертел телефон в руках — украшение смотрелось на удивление изящно.

— Я просто подумал... он ведь изучает «И Цзин»...

— Он, кстати, о тебе спрашивал, — между делом заметил Цинь Шу.

— Обо мне? — удивился Чэнь Шан. Он ведь и словом не перекинулся с тем профессором.

— Спрашивал, почему я не взял тебя с собой.

Цинь Шу находил интерес профессора Жуаня странным — тот проявлял к Чэнь Шану какое-то необъяснимое внимание. Возможно, он что-то увидел в его лице? Опасаясь, как бы это не навредило партнеру, Цинь Шу не стал продолжать разговор на эту тему.

Затишье длилось недолго.

— Сериалу «Власть над миром» требуется литературный консультант, — огорошил его Хэ Миньфан. — Цинь Шу, поедешь, поможешь им советом.

Ли Суйин, услышав это, картинно всплеснула руками:

— Работа с киностудией! Это же золотая жила! Учитель, вы несправедливы!

Хэ Миньфан строго глянул на нерадивую ученицу:

— Тебе ли жаловаться на безденежье? Твоя первоочередная задача — закончить диссертацию. Кажется, ты вовсе не собираешься выпускаться!

Ли Суйин поспешно ретировалась в кабинет под тяжелым взглядом наставника. Избавившись от второй ученицы, Хэ Миньфан обратился к Цинь Шу:

— Придется поехать в командировку, город С, месяца на три. Но оплата достойная — пятьсот тысяч. Работа непыльная, считай, что съездил отдохнуть.

На самом деле киношники звали самого Хэ Миньфана — это была серьезная историческая

драма. Сейчас зрители смотрят кино буквально под лупой, находя ляпы в каждой сцене, а исторические неточности потом годами обсасывают в сети. Имя Хэ Миньфана в титрах было залогом качества.

Старый профессор как раз засел за новую книгу, времени у него не было, к тому же он помнил, что пассия его ученика — парень неприлично богатый. В семье авторитет напрямую зависит от умения зарабатывать. Цинь Шу пока всего лишь студент с мизерной стипендией в три тысячи — этих денег им с Чэнь Шаном едва хватит на один ужин в приличном ресторане.

Сердце учителя болело за ученика: он не хотел, чтобы тот чувствовал себя неловко перед своим богатым партнером. Так, из-за заботы наставника, влюбленным пришлось пережить вынужденную разлуку.

В шумном аэропорту, в самом тихом углу, Чэнь Шан вцепился в Цинь Шу:

— Не хочу, чтобы ты уезжал...

Цинь Шу и сам не желал расставаться. Лишь теперь, когда чувства были на пике, он понял, что слова о «любви, которой не страшна разлука» — лишь красивая ложь.

— Я постараюсь закончить как можно быстрее, — он с трудом выносил эти капризные нотки в голосе партнера. Если бы не обязательства, он бы развернулся и увез его домой.

Чэнь Шан промолчал, но втайне решил: как только разберется с делами в офисе, тут же приедет навестить его. Единственным утешением было то, что Цинь Шу — консультант, а значит, график у него свободный.

— В этой киношной тусовке ни с кем не заигрывай, понял?

— Угу.

— При любой возможности пиши мне!

— Угу.

— И еще...

— Угу.

— Кроме этого своего «угу», можешь что-нибудь сказать?! — возмутился Чэнь Шан.

— Хорошо, я буду слушаться тебя во всем.

Под нежным и полным любви взглядом Цинь Шу Чэнь Шан только и смог, что проворчать:

— Еще тяжелее стало отпускать тебя!

Как бы ни было трудно, Цинь Шу сел в самолет и улетел.

Увидев пост Чэнь Шана в соцсетях, Сунь Хао тут же прислал сообщение: «Что, наш юный господин Чэнь остался в одиночестве?»

В ответ Чэнь Шан отправил ему эмодзи окровавленного кинжала. Сунь Хао тут же перезвонил:

— Может, соберемся сегодня?

Чэнь Шан хотел было отказаться, но мысль о пустом доме была невыносимой, и он согласился.

— Где встречаемся?

— Да там же, где всегда!

— Ладно.

— Ох, сколько в голосе страдания, — хмыкнул Сунь Хао. — Смотри, не вздумай соскочить. Я предупрежу Сун Девятого. В шесть вечера, будь как штык.

В баре «Час быка» было шумно и людно. Чэнь Шан поднялся на второй этаж, где его уже ждали друзья.

— Глава Чэнь соизволил почтить нас своим присутствием! — Сунь Хао тут же наполнил бокал до краев. — Пью за ваше величество!

Чэнь Шан не оценил шутки. Пригубив вино, он отодвинул бокал и, оттолкнув Сунь Хао, уселся на свое привычное место.

Сун Яньхуэй окинул его внимательным взглядом и приподнял бровь. Чэнь Шан занервничал — он слишком хорошо знал этого человека. Если Сун Девятый так смотрит, значит, у него на языке вертится какая-то гадость.

— Говори уже, не тяни! — не выдержал Чэнь Шан.

Тот задал совершенно неожиданный вопрос:

— Ты когда в последний раз в зеркало смотрелся?

Чэнь Шан недоуменно моргнул:

— К чему это? Хочешь сказать, я подурнел?

Сунь Хао прыснул со смеху, а поймав недобрый взгляд друга, пояснил:

— Девятый хочет сказать, что твой ненаглядный кормит тебя на убой. Ты как-то... округлился, что ли. Лоснишься весь! — И он снова зашелся в хохоте.

Чэнь Шан помрачнел. Он и сам заметил, что немного прибавил в весе, да и Цинь Шу во время их ночных забав всё чаще любил сжимать ладонями его бока.

Сун Яньхуэй подлил масла в огонь:

— Да ладно тебе, не разводи комплексы. Сяо Шан выглядит отлично, пышет богатством и здоровьем!

Лицо Чэнь Шана стало еще чернее. Стоило ему представить, как у него вырастает животик, и жизнь теряет краски.

А всё потому, что Цинь Шу в последнее время стал слишком уж старательным. После того памятного обеда у старшего брата он, стоило ему оказаться дома, неизменно вставал к плите.

Сначала дело шло со скрипом, но потом он проконсультировался с тем самым рукастым старшим сокурсником, скачал по его совету кулинарное приложение и — о чудо! — его таланты расцвели пышным цветом. Готовил он теперь превосходно, и все блюда были в точности по вкусу Чэнь Шану. Всё это «округление» было целиком на совести Цинь Шу.

Сунь Хао, знавший его с пеленок, по глазам понял ход его мыслей.

— Да я шучу! Не вздумай садиться на диету!

Чэнь Шан ему не поверил. В последнее время его единственной физической нагрузкой были упражнения в постели, и он явно запустил себя. Пока Цинь Шу в отъезде, нужно срочно браться за дело. Запишется на йогу — это поможет освоить пару новых поз.

Друзья переглянулись и пожали плечами. Ладно, переубеждать его бесполезно, теперь у парня своя семья, сам разберется.

Сунь Хао вытянул ноги:

— Твой ученый муж опять по могилам лазает?

Чэнь Шан, игнорируя колкость, ответил:

— Старик Хэ отправил его на съемки сериала.

Сунь Хао оживился:

— Ого! Решил сменить профессию? Оно и понятно, в науке денег кот наплакал. Жить на правах примака, вечно перебиваясь с хлеба на воду, — то еще удовольствие.

Чэнь Шан сверкнул глазами. Пусть их семья и была богата, они не жили в роскоши, а после свадьбы брата Цинь Шу вписался в их дом просто идеально.

Сунь Хао уже приготовился к очередной порции яда, но Чэнь Шан внезапно широко улыбнулся. Друг нутром почуял подвох.

— Что, завидно? — пропел Чэнь Шан. — Хочешь, и тебе кого-нибудь подберу?

Сунь Хао передернуло — перспектива оказаться в постели с мужчиной его не прельщала.

Сун Яньхуэй только вздохнул. Цинь Шу стал для Чэнь Шана «священной коровой», а Сунь Хао вечно нарывался на грубость. Семьи уже фактически признали их союз, а тот всё продолжал ворчать.

На самом деле Сун Девятый уже давно изменил свое мнение о Цинь Шу. Люди науки обычно простодушны, тем более Цинь Шу занимался древней литературой — сферой максимально далекой от мирской суеты. Такой человек умеет ценить тишину. К тому же Чэнь Шан — парень хваткий, он этого романтического юношу явно прибрал к рукам. Это было видно даже по соцсетям: страница Цинь Шу была буквально заполнена следами присутствия Чэнь Шана — явно его работа. Только Сунь Хао продолжал искать во всем подвох.

— Знаешь, — заговорил Сунь Хао, — опытный охотник часто прикидывается добычей. Мне всё еще кажется, что с этим парнем что-то не так.

Посуди сам: он из простой семьи, но умеет всё — резьбу по камню, каллиграфию, живопись...

Кто знает, какие еще козыри у него в рукаве? И ведет он себя с нами так, будто мы ему ровня. Я не о сословных предрассудках, а о простом человеческом поведении: обычный парень в таком месте, как клуб «Шэнши Чаоян», чувствовал бы себя не в своей тарелке. А он — как будто всю жизнь там провел!

Сунь Хао расписывал всё в красках, но, взглянув на Чэнь Шана, увидел на его лице лишь выражение безмерной гордости.

— Я и не знал, что ты такой влюбленный дурак! — в сердцах бросил Сунь Хао.

— Сунь Хао, — веско ответил Чэнь Шан, — есть такое слово — «гений». Мой Цинь Шу — редчайший талант, один на миллион.

Тот лишь фыркнул:

— Тем более будь настороже. Умные игроки расчетливы и осторожны. С твоей-то доверчивостью ты и не заметишь, как он оберет семью Чэнь до нитки, а ты еще и спасибо скажешь!

— Он со мной не из-за денег, — отрезал Чэнь Шан. — Ему нужен я сам!

Сунь Хао в это не верил. Будь у него такая капризная подружка, как Чэнь Шан, он бы сбежал на третий день. Кто выдержит такой характер?

Впрочем, Цинь Шу и впрямь был не от мира сего. В душе Сунь Хао признавал его превосходство, но язык не поворачивался это признать.

— Чужая душа — потемки. Откуда такая уверенность?

Чэнь Шан мечтательно улыбнулся:

— Потому что... он дает мне всё, о чем я прошу. И даже больше.

Сунь Хао поморщился:

— Давай без подробностей вашей интимной жизни!

Сун Яньхуэй тоже покачал головой. Любовь явно лишила Чэнь Шана остатков разума — выбалтывает такие вещи!

Разговор на этом затих. Сунь Хао, этот тертый калач в делах сердечных, впервые засомневался

в своей пронизательности. Пока он предавался раздумьям, Сун Яньхуэй спросил о делах в кино:

— И что Цинь Шу делает на съемочной площадке? Не актером же пошел?

— Консультантом. Помогает сценаристам с историческими деталями, литературой и этикетом,
— Чэнь Шан сделал паузу и добавил как бы невзначай: — Сказал, хочет заработать мне на карманные расходы.

— Какой он у тебя заботливый, — съязвил Сунь Хао.

Сун Яньхуэй, чтобы прекратить перепалку, спросил:

— Что за проект?

Чэнь Шан закурил:

— Историческая драма «Власть над миром».

Глаза Сунь Хао округлились:

— Что?! «Власть над миром»?

— Только не говори, что твоя семья вложилась в этот проект, — усмехнулся Чэнь Шан.

— Представь себе, именно так! — Сунь Хао пожал плечами. Мир и впрямь оказался тесен.

Чэнь Шан расплылся в улыбке, и Сунь Хао тут же насторожился.

— Ну вот и славно. Когда поеду его навещать, поеду от твоего имени.

Сунь Хао прищурился:

— Боишься, что он там на актрисок заглядится?

За это Чэнь Шан не переживал — он верил Цинь Шу. Но мир шоу-бизнеса был полон искушений, и он опасался, как бы кто-нибудь не начал строить глазки его «мужу».

Через неделю Сунь Хао, не желая пропускать зрелище, купил билеты и отправился в город С

вместе с Чэнь Шаном — официально для «инспекции проекта». Чэнь Шан не стал предупреждать Цинь Шу, желая устроить сюрприз.

И сюрприз удался, только преподнес его сам Цинь Шу.

Помощник режиссера провел их к месту съемок, и первое, что они увидели, был Цинь Шу в объективе камеры.

На нем было темно-зеленое одеяние с вышивкой в виде ягод чжуй, из-под которого виднелась белоснежная кайма нижних одежд. Волосы были скреплены нефритовой шпилькой. Освещение было настроено так мастерски, что половина лица тонула в тени, скрывая выражение его глаз.

Он стоял за массивным столом, сосредоточенно водя кистью по бумаге. На мониторе четко проступили строки:

«Взирая на небесную высь и созерцая земные пределы, среди гор и вод обретаю я покой...

Сначала предстают хребты, подпирающие небосвод и уходящие вершинами в облачную дымку. Причудливые скалы, скрытые легкой вуалью тумана. Изумрудные леса и стройные бамбуковые рощи вечно полны жизни.

Воды текут грациозно, словно серебро из кувшина. Синева озер сливается с небесной лазурью. Лотосы колыхнутся на ветру, их алые лепестки ярки, как шелк, а свежие бутоны источают тонкий аромат.

Древние деревья тянутся к солнцу, стволы их покрыты вековым мхом. Тропы петляют, уводя в сокровенную даль. Среди гор виднеются селения с серой черепицей и белыми стенами. Крики петухов и лай собак — идиллия мирного края.

Сия красота земная — разве дано узреть её лишь мне, смертному?!»

Каллиграфия была необыкновенной: начатые четким и строгим уставом, строки постепенно становились всё более текучими, переходя в изящную скоропись, а финальная фраза взорвалась резкими, порывистыми росчерками «безумного» травяного письма.

Сунь Хао замер, пораженный образом этого утонченного и в то же время властного аристократа. Теперь ему стало ясно, почему его друг совершенно потерял голову — перед таким очарованием устоять было невозможно. Достаточно было взглянуть на лица съемочной группы, чтобы понять: Цинь Шу покорила всех.

Чэнь Шан не мог оторвать глаз от экрана. Сунь Хао жестом подозвал помощника режиссера и вывел его в коридор.

— Что тут происходит? Почему в кадре консультант? Актеров не нашлось?

Помощник режиссера, парень сообразительный, уловил нотки недовольства в голосе инвестора.

— Вы знакомы с господином Цинь?

Сунь Хао, зная нравы киношников, холодно спросил:

— Кто-нибудь в группе к нему подкатывает?

Помощник замахал руками:

— Господин Цинь человек глубоких знаний, неудивительно, что им восхищаются. Но он держится очень отстраненно, вне работы ни с кем не общается.

Сунь Хао удовлетворенно кивнул. Значит, Цинь Шу хранит верность.

— Ладно. Так почему он в кадре?

Оказалось, главный герой по сюжету был сослан и изливал свою горечь в стихах о природе. Сценаристы не справлялись с задачей, и Цинь Шу сам написал текст, идеально передающий душевное состояние персонажа.

Современные актеры не умеют писать кистью, и режиссер искал «рублера» — дублера рук. Но исполнитель главной роли не мог даже правильно взять кисть, постоянно заваливая дубли. Режиссер был в ярости и решил снять профессионала со схожим телосложением со спины. Цинь Шу, видя, как затягивается процесс, решил сам довести дело до конца.

— За это ведь полагается доплата? — уточнил Сунь Хао.

— Ну... ему выпишут премию в двести юаней.

— Копейки! — возмутился Сунь Хао. — Вы за кого его принимаете?!

Помощник развел руками:

— Бюджетом не я заведу... Господин Сунь, а сколько будет справедливо? Я передам продюсеру.

Семья Сунь не так давно пришла в кинобизнес, и он не знал всех тонкостей, поэтому просто буркнул:

— Разберитесь с этим. — И вернулся в павильон.

К этому моменту в кадре уже был актер. Чэнь Шана и Цинь Шу поблизости не оказалось. Сунь Хао поймал кого-то из техперсонала:

— Где Цинь Шу?

— Пошел смывать грим, — указали ему направление.

Сунь Хао направился к гримеркам.

И история клуба «Шэнши Чаоян» повторилась.

Сунь Хао поспешно захлопнул дверь и потер лицо ладонями. Ну и дела!

Он решительно не хотел признавать, что тот бесстыдный демон, который только что обвивал талию мужчины ногами, вырывая поцелуй, был его лучшим другом!

<http://bllate.org/book/16121/1587236>